

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-142-163

УДК 316.7

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Логунова Лариса Юрьевна,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук
Кемеровского государственного университета,
Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-8417-913X
vinsky888@mail.ru*

Аннотация

Социологическая методология накопила богатый арсенал методов для исследования реальности. Однако изучение жизни человека требует специфических методологических конструктов и обновленных исследовательских стратегий. Несмотря на требование комплексного изучения человека, в социологии не сформировался исследовательский подход, адекватный современным проблемам человека. Сама проблематика изучения человека выглядит далекой от его актуальных нужд и не отвечает на его жизненно важные вопросы. Автор, анализируя возможности объективистской парадигмы, приходит к выводу об ее ограниченности в вопросах исследования жизни человека. В то же время интерпретативная парадигма выглядит половинчато и не может постичь глубину социального бытия личности. Автор считает, что социология может ответить на актуальные вопросы человека, изучая его в контексте культурантропоцентризма и человекоцентризма. Такая методология строится на принципах междисциплинарности, гибридизации, соединении методологического потенциала микро- и макроподходов. Основные исследовательские стратегии – «слушать и понимать», видеть процессуальность, не упуская из виду уникальность, референтные точки событийности, которые при определенных обстоятельствах могут ощутимо влиять на социальные процессы. Задача современной социологии – быть ближе к человеку. Это значит отвечать на его вопросы и защищать его «жизненные миры» от ложных целей, навязанных ему институтами, встраивать в исследовательские модели элементы социального консалтинга.

Ключевые слова: социология личности, гибридный методологический комплекс, микроподход, интерпретативная парадигма, культурантропоцентризм, человекоцентризм.

Библиографическое описание для цитирования:

Логунова Л.Ю. Методология изучения жизни и личности человека: постановка проблемы // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 142–163. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-142-163.

Расцвет проблематики человека и его личности в социологии связан с неклассическим этапом, когда складывались различные по концептуальному оформлению стратегии изучения. Но за столетие комплексная методология изучения человека так и не сформировалась. Сегодня личность человека в различных теориях, подходах и направлениях представляет собой мозаику из научных открытий. Гуманитарные науки расчленяют человека на части, вынося за скобки исследований душевную и чувственную структуры. Целостный образ человека так и остался для науки неуловимым: мешают хрупкость конструкции, текучесть смыслов, противоречивость чувств, разнообразие связей.

Классическая социология практически осталась в стороне от проблематики личности, сведя ее к функциональным обязанностям человека по отношению к обществу. Количественная парадигма в методиках исследования личности как мыслящего и чувствующего человека ограничена. Популярные и конъюнктурные исследования политических и экономических отношений не могут блокировать ностальгию общества по личности, заменить собой потребности социологического осмысления современника. Создается впечатление, что общество хочет находиться под обаянием личности, но наука боится в этом признаться и навязывает человеку «более актуальные» проблемы, чем проблемы его жизни. Парадоксально, но социология, призванная изучать мир людей, научилась это делать без главного героя в центре исследований – человека.

Сегодня расширилось поле возможностей для изучения личности: современные информационные и коммуникационные технологии транслируют не только речи политиков, но и высказывания простых людей. У исследователей появилась возможность понять «великого молчуна». Но через микронд качественных техник и процедур, запущенный в социальный организм, социологи услышали урчание желудка. Дело не в ограниченности и приземленности потребностей современного человека. Проблема видится в выборе исследовательского подхода, взгляда на сущность природы человека – «биосоциального» существа, субъекта или объекта символических интеракций, наполненных культурными смыслами, вместилища души и духа, микромира, миниатюрной Вселенной, объекта права и т. п. Гуманитарные науки давно научились исследовать эти аспекты личности. Другой вопрос, как объединить все это в едином исследовательском взгляде на проблему человека, научная формулировка которой, к слову сказать, отсутствует. Наукой

сформулированы лишь такие проблемы, которые интересны ученым. Эти проблемы, как правило, далеки от понимания их обычным человеком, который был бы удивлен, узнав, что у него есть подобные проблемы. Он остается в стороне от понимания сложных научных конструкций, которые доступны для изучения профессионалам. Социология изучает человека «для себя» и сама себе объясняет научные выкладки. Это становится сутью «ложных взаимодействий» (Ю. Хабермас) науки и человека.

Проблему можно сформулировать так: речь идет не о создании популярных версий изложения научных теорий, необходимо обосновать иные принципы изучения человека.

Казалось бы, сегодня для исследования личности создан целый комплекс теорий. Но при детальном рассмотрении оказывается, что все они в некотором смысле половинчатые. Так, психоаналитическое направление интересуется специфика внутренних процессов личности с возможностями внешнего поведенческого проявления (А. Адлер, К. Хорни, К. Юнг). Этот подход исследует глубину личности в буквальном смысле, но не глубину жизни личности в ее социальных потенциях и превратностях. Социологический подход видит личность с точки зрения ее функциональных позиций и связанных с ними обязанностей. Даже системные теории объясняют смыслы обновления и омоложения системы «человек», но не отвечают человеку на его вопросы о возможности сохранения молодости ума, сознания и тела (проблемы деменции – «главного убийцы XXI века», которой подвержены 47 миллионов европейцев, ни медицина, ни философия практически не исследуют, признавая собственную несостоятельность).

Представления в социологии о человеке-функции, абстракции общественных отношений есть отстранение от личности вообще. Социология практически расписывается в своей бессилии увидеть человека: в ее арсенале нет программ для объяснения веерообразного и ситуативного выбора поведенческих практик, если они не вписываются в функциональные долженствования бытия человека. В результате человек получает не ответы на актуальные для него вопросы, но список требований, на которых основаны дальнейшие законодательные инициативы политиков: сколько и когда надо женщине родить детей, когда мужчина обязан «отдать долг родине», когда граждан можно отпустить на пенсию и т. п. Всё это обильно сдобрено приправами патриотического и духовного вкуса без учета желаний человека строить свою жизнь самостоятельно и оригинально. Оговоримся, что речь не идет о социальных нормах, которые служат базисом для социального порядка. Оригинальность жизни тоже может стать нормой при условии гибкости культурных паттернов поведения. Однако до сего дня оригинальность жизни выдающихся личностей оценивалась снисходительно в смысловых границах

«нравственно/безнравственно», с выносом за рамки изучения позиций достоинства, любви, желаний, чувств, уникальности.

Это прямые следствия господства нормативно-функционального подхода к пониманию личности: обществу навязывается потребительская доктрина отношения к человеку. Не учитывается вариативность жизненных ситуаций и даже не предполагается возможность безграничной градации способностей человека (этим могла бы заняться социология трансцендентального). Но наука твердо стоит на позициях: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Научному сообществу легче отвергнуть что-то необъяснимо действующее в жизни людей, чем признать, что не разработаны инструменты для его измерения. С этих позиций игнорируются многие законы жизни, действующие модально. Например, можно принимать законодательные инициативы по повышению рождаемости в отдельно взятом государстве (решать за счет человека экономические проблемы социальных групп), не задумываясь о социальном процессе регулирования численности населения, которым управляет сама планета. Будет ли человеку от таких законов польза, если его желания, потребности комфорта и прочее во внимание не принимаются? Как относиться к запретам на символику, рожденную сакральными смыслами культуры? Отдельным партиям и контролирующим порядок социальным институтам сражаться с вибрациями социокода культуры и нации так же абсурдно, как воевать с ветряными мельницами. Мощное звучание социокодов культуры есть закон жизни, против которого бессилён даже самый волевой политик. В «силовых полях» интересов социальных групп и потребностей научных сообществ для человека и его жизненно значимых вопросов не остается места.

Многомерность человека порождает проблему неопределенности и вариативности элементов структур его личности и жизни. У позитивистски ориентированной науки действительно невыполнимая миссия: человека, существо живое, чувствующее, рефлексирующее, нужно разложить по неким умозрительным категориям, соблюдая все ортодоксальные правила социальной науки, не допускающей в свой мир чувства, желания, фантазии – элементарные сферы внутренней жизни личности. В результате ученый вынужден препарировать труп, «функционирующий» во времени и социальном пространстве. Даже попытка дать определение слову «чувство» переводит социолога на зыбкую почву философии или романтической литературы.

Вместе с тем стремление науки о человеке представить реальность жизни личности как синтез индивидуального и социального определило несколько подходов.

Естественно-научный подход объединил результаты исследований А.А. Ухтомского, И.П. Павлова, И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, М.Я. Ба-

сова, обосновавших позицию социальной опосредованности высшей нервной деятельности. В.М. Бехтерев определил личность в ее целостности как биосоциальное явление, сочетающее темперамент, инстинкты и «личную сферу социального характера», которая превалирует над биологическим элементом, продолжается в сфере духовного опыта, наследуемого потомками. «Человек является существом, принявшим от рождения... часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путем усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений... Вместе с тем он обогащается и собственным жизненным опытом, вырабатывая определенные навыки» [2]. Комплексный подход к изучению человека, провозглашенный В.М. Бехтеревым, сформировал исследовательский фундамент для «человековедческих» дисциплин. Его можно определить как «мнение природы» относительно человеческого существа.

Культурно-исторический подход противопоставил «биологизаторскому», «натуралистическому» подходу концепцию развития психики, провозгласив, что понимание сложных психических процессов невозможно без знания истории их формирования (А.С. Выготский). Обосновано, что первостепенное значение на внутриличностные процессы оказывают культурные коды и знаковая система. Между сознанием и поведением существует третий элемент – «культура», опосредующий и детерминирующий поведенческие особенности. Развитие личности происходит путем присвоения исторически выработанных социальных практик. К естественным психическим функциям добавлены высшие функции – культурные и социальные, которые являются результатом исторического развития в процессе производства «эстетического знака» [3]. Высшие (социальные) психические функции принципиально управляемы. Человек способен управлять группой с помощью знаков, коллектив с помощью знаков может управлять поведением человека. Это «мнение культуры» о своем творце – человеке.

Деятельный подход развил методологические основы культурно-исторической концепции (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Л.И. Божович). Категория «деятельность» определила стимулы развития человека: преодоление и разрешение противоречий между ориентацией в системе отношений и способами употребления предметов. Это был, пожалуй, первый гуманистический взгляд науки на человека: субъектно-деятельностная концепция предлагала изучать человека в категориях свободы, любви, этики, идеального, субъективного и объективного (С.Л. Рубинштейн [15, с. 26]). Данный подход сформулировал проблему гуманизма в качестве центральной этической проблемы для осмысления отношений человека с миром и с другими людьми. Наука увидела человека действующего, са-

мостоятельно определяющего свою позицию по отношению к миру. Это «мнение мира» о человеке.

Нормативный подход предполагает, что личность состоит из набора функциональных обязанностей и требований. Структура диспозиций личности есть предельно безличное представление о ней. Индивид – это элемент общества, который должен соответствовать требованиям, необходимым для функционирования общественных институтов. Это точка зрения общества на личность. Мнение личности о себе или об обществе во внимание не принимается. Данный подход представлен в основном в марксистско-ленинской социологии, которая постулирует, что личность состоит из положения в системе общественных отношений, форм деятельности (совокупности выполняемых социальных ролей-функций) и направленности (совокупности потребностей, интересов, идеалов, выступающих мотивами поведения). Это нормативное, схематичное и условное представление о личности. Социальные стремления, индивидуальные интересы, идеалы здесь служат дополнительными требованиями к функциональным обязанностям человека (прежде всего профессиональным или гендерным). Но даже суровые социологи-«системщики» обратили внимание на избирательность личности по отношению к нормативным ориентирам. Идеи, желания, предпочтения человека сорентированы на выбор одних ролей и отвержение других, не соответствующих представлениям человека о себе (Т. Парсонс, Э. Шилз). Социологический взгляд на человека постепенно очеловечивается. Социологи неклассического направления допускают существование живых чувств. Последний труд П.А. Сорокина посвящен альтруистической любви [24]. Э. Гидденс осмысливает сексуальность как «естественный компонент личности», связанный с изменением культурных норм общества, а не «изолированный инстинкт» [8].

Структурно-концептуальный подход видит личность как совокупность элементов, составляющих внутреннее «Я» (З. Фрейд, К. Юнг, К. Роджерс, Э. Берн, Дж. Г. Мид). В известном смысле такие теории приобретают гуманистическое звучание, декларируя, что личность не столько обязана удовлетворять требованиям общества, сколько исследовать саму себя в процессе поиска «подлинного Я». Это точка зрения личности на саму себя.

Описательный подход рассматривает человека как совокупность описаний действий или представлений его о самом себе и об окружающих (Ч. Кули, Э. Фромм). Это точка зрения личности на общество.

Но при всей приоритетности роли личности («индивидуалиста, гордящегося тем, что не похож на других» [16]) в условиях новой эпохи, о которых пишет Э. Тоффлер, исследовательские интересы смещены в другие области. Анализ «проблематики исследований личности в гуманитарных науках» в каталоге публикаций eLibrary с 2007 по 2016 г. по-

казал, что из 8442 статей и монографий, предложенных поисковой системой, социальным и социально-психологическим проблемам личности посвящено 175 публикаций (175...100 %; дата обращения 6.12.2017). В приоритетах исследователей – проблемы, связанные с образованием личности и профессиональным становлением (по 18 %), исследования «языковой личности» (9,1 %), проблемы различных видов безопасности личности (7 %), исследования ценностной сферы жизни личности, а также персон и персоналий (по 6 %). Публикации в области психологии и социальной психологии не радуют ни разнообразием, ни количеством (6 %). Проблемам отношений личности и права посвящено 5,7 % выборки, вопросам творчества в жизни личности, проблемам самореализации и самоактуализации личности – по 4,5 %. Заключают список тематики исследований личности проблемы девиации, нравственности и смысла жизни (по 4 %), идентичности (2,8 %). Публикации о потенциале личности, процессах адаптации и социализации, имиджа, самопрезентаций, этнического самоопределения единичны. В списке поисковой системы РИНЦ за этот период представлены две публикации, посвященные философскому осмыслению проблем личности.

Так видит сегодня наука личность человека. Но чего ждет от науки человек? В смятении он спрашивает: «Кто Я?». Ученые, не зная, что ответить, повторяют менторским тоном вопрос: «Кто ты?» В тесте Р. Тернера человеку предлагается дать 20 ответов на этот вопрос. Это приводит пациента в недоумение, заставляя извлекать из сознания всё, что он знает о себе. На основании этих ответов делаются некие выводы о структурных характеристиках, ролях личности. Цель вопросов – помощь в постижении человеком своего «подлинного Я». Однако это выглядит лукавством: единственно верный ответ на эти вопросы – молчание. Оно вмещает бездонную глубину божественной сущности человека, хаос космоса и порядок мироздания в маленькой капле человеческой жизни, отражающей океан жизни человечества. На поверхности ответа остаются типизации поведенческих практик, соответствующих социальному положению.

Феноменология предложила радикальный поворот в исследованиях жизни, увидев феноменальность во всем, что касается человека. Э. Гуссерль, совершая феноменологическую революцию, основал свои постулаты на противоречиях науки и жизни. Он констатировал кризис науки вследствие утраты ею своей жизненной значимости, отчуждение объективного научного знания от субъекта, равнодушное самоотстранение науки от вопросов, важных для человечества. «Наука... ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а имен-

но вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [4, с. 20]. Мысль звучит очень современно: наука сегодня, как и на заре XX в., занимается исследованием самой себя, сама изобретает понятия, определяет их, организует дискурсы и, пользуясь правом объективности, настаивает на реальности и значимости этих умозаключений для жизни человека. «Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности, если науки признают так объективно констатируемое за нечто истинное, если история не научает нас ничему, кроме одного – все произведения духовного мира, все жизненные связи, идеалы и нормы, присущие людям, подобно мимолетным волнам, возникают и исчезают...?» [4, с. 21].

Представитель феноменологического лагеря Д. Уолш дал едкую оценку методам позитивистской социологии с их «неспособностью понять смысловое строение социального мира, вследствие чего позитивизм и выработал методологию, совершенно неадекватную природе исследуемого объекта» [17, с. 51–52]. Социологи и психологи феноменологического направления (Дж. Морено, К. Роджерс, В. Франкл) определили новый взгляд на личность человека в параллель с господством позитивистской социологии. Смысловое строение мира человека, исследованное А. Шюцем [22], положило начало социологическому обоснованию категорий судьбы, любви, чувства – качеств, неотъемлемых от жизни мире людей. Это приблизило науку к человеку, но не убедило ученых.

Что же касается человека, то он живет в мире своего обыденного сознания. Ему бесконечно безразличны научные, «правильные» мнения об этом мире. Человека интересует исключительно его персона и всё, что имеет к ней отношение. В выборе поведенческих практик он ориентируется на свой жизненный опыт и наивное понимание «жизненного мира», в принципе не поддающееся позитивистскому научному анализу в категориях количественной парадигмы. Эмпирический материал может давать любые ответы, существующие вне интересов человека, если не сформулированы главные вопросы для его жизни: «Почему я оказался в такой жизненной ситуации?»; «Почему я имею то, что я имею, а не то, что хотел бы иметь?»; «Почему чем больше я хочу, тем меньше получаю?»; «Почему рядом со мной именно эти люди, а не те, с которыми я хочу быть?».

Казалось бы, методики качественного анализа значительно продвинули исследовательские возможности социологии в сфере смысловой структуры жизни людей, сторонники «мягкого анализа» признали его методологическую уязвимость, необходимость сцепки с процедурами количественного анализа. Микросоциологические теории изменили взгляд на человека, возвратили ему священное право не только на субъектность, но и на субъективность понимания им мира. Такое же право субъектив-

ности было провозглашено и для социолога как человека («социология социологии» Р. Фридрихс). Чувственное восприятие мира стало доступным для изучения благодаря постулатам «социологии повседневной жизни» Дж. Дугласа. «Экзистенциальная социология» в центр научной рефлексии поставила человека – вовлеченного активного актора (Э. Тиракьян. «Общая теория социального существования»); близкая к ней по экзистенциальности происхождения «социология абсурда» (С. Лаймен, М. Скотт) вернула миру изначальный его смысл – отсутствие смысла. Гуманистическая социология П. Бергера продемонстрировала принципиальную возможность предсказуемости жизни человека – главного конструктора своей реальности, судьбы. Эти альтернативные позитивизму направления теории социологии открыли новый взгляд на социальный мир, который есть «экзистенциальный продукт человеческой деятельности». Этот мир людей существует благодаря тому, что его познает человек («рефлексивная социология» Э. Голднер). «Благодаря этой деятельности он сохраняется и изменяется» [17, с. 48].

Феноменологическая теория обогатила социологическую науку о личности. Обоснована категория «смысла», определяющая взаимодействия людей: если нет смысла, то у человека нет мотива для действия. Человек вернулся в привычную для него среду обитания – территорию повседневности («мир повседневной жизни»), которая обрела историчность иного плана – не мировую, но человеческую: действия человека не могут быть адекватно поняты, если неизвестна биографическая ситуация, особенности прошлого опыта. Смысл действий личности раскрывается в значении действия для самого действующего. «Постулат субъективной интерпретации значения... является... принципом конструирования типов осуществления действия в обыденном опыте» [22, с. 26]. В мире жизни, заполненном Другими, их действиями, протекает межчеловеческое общение.

В основу конструкции научного анализа феноменология положила категорию «опыта», индивидуально объективного и одновременно наполненного ценностями и смыслами общности. Человек познает мир как путник, ступающий по зыбкой тропе на болотистой равнине. Каждый шаг – это постижение ясности того, что потом станет опытом, того, что до этого шага было смутным, неясным. С каждым шагом познание мира наращивает багаж опыта, преобразуется в «конструирование реальности». На основе опыта человек понимает свой жизненный мир, признает опыт Другого. Опыт – это начало и результат любого действия. Пересечение «опытов» при взаимодействии человека с Другими накапливает повседневные знания о мире. Формула предсказуемости мира – в его принципиальной сконструированности: люди созидают мир, познавая его, это познание есть дальнейшее созидание [1].

В конструктивистском направлении феноменологии оформились теории символического и культурного бытия «жизненных миров». Феноменология объяснила смыслы внешней атрибутики и символики понимания людьми собственного взаимодействия с Другими (драматургическая социология И. Гоффмана [6]), особенности вербальной и символической составляющей этого взаимодействия-общения (этнометодология Г. Гарфинкеля [7]). Феноменологи ввели в научный язык моду на метафоры, которыми восполняли недостаток терминологии при изучении жизни людей. С помощью метафоры «жизнь – театр» были вскрыты социальные особенности взаимодействия людей без помощи психологического анализа (теория социальной роли, символический интеракционализм Дж. Г. Мида и Ч. Кули). В рамках феноменологической традиции сформировались методы изучения смыслов жизни личности, позволяющие типологизировать уникальности в теоретические законы – «понимание» и типизацию (У. Томас, Ф. Знанецкий). Найдены «иррациональные» способы описания реальности (В. Дильтей).

Социологические наработки дополнились исследованиями социальных психологов. Подтверждена значимость опыта и смыслов для жизни людей (персонология В.Э. Франкла [18]). Наконец-то были введены в исследовательские конструкты категории любви и чувств, исследованы внутренние механизмы обретения личностью удачи, показаны формы их проявления в поведении человека (теории актуализации К. Роджерса [14], А. Маслоу [12]).

Постулаты феноменологической социологии – это открытие нового мира личности, слишком широкого в пространстве и символических вариациях взаимодействий и слишком глубокого в пространстве смыслов. Феноменология вернула науке человека. Он больше не был невротическим типом, страдающим фобиями, или функционирующей сущностью с профессионально и социально нормативными жизненными выборами. В поле зрения науки был поставлен человек в его осмысленном взаимодействии с Другими и их жизненными мирами, со всей совокупностью социальных правил, личностных желаний и социальных стремлений. Таким образом, создана богатейшая методологическая база для социологического понимания жизни человека. Но....

Социологи оберегают границы своей предметной области. Они как будто танцуют по абрису мира человека, опасаясь погрузиться в него и перейти границу психологических наук. Проблему человека легко увести в русло методологических дискуссий о преимуществах и недостатках качественного или количественного анализа. Достоверность и валидность данных – конечно, жесткое требование, но насколько продуктивны такого рода дискуссии? Всё зависит от компетентности интерпретаций.

Однако научное проникновение в глубины «жизненного мира» в феноменологической традиции также ограничено. Все, что может понять феноменолог о жизни, уместается в несколько пунктов: 1) «смысловое строение мира» личности, границы которого совпадают с границами сознания (смысла); 2) символические и культурные атрибуты, оформляющие взаимодействия людей, с помощью которых люди презентуют себя [5]; 3) траектория развития жизненной («биографической») ситуации, точнее, понимание и объяснение человеком череды событий, приведших его к ситуации «здесь и сейчас» [21]; 4) перспектива развития будущего в жизни личности. Феноменологическая парадигма с ее мощным арсеналом методов и категориальным аппаратом фактически объясняет лишь инструментальное или символическое оформление опыта человека. Главные вопросы человека остаются вне поля научной рефлексии.

Как вернуть социальной науке человека, который давно поселился в мировой литературе и философии? Актуальной становится необходимость сохранения образа объекта, обрастающего в течение жизни социальными связями и взаимодействиями разной направленности, не теряя при этом его сущностных структур – духовных и эмоциональных актов (М. Шелер), переживания человеческой сущностью самой себя, внимания к внутренней жизни, которая есть подлинная жизнь духа, органическая целостность, нерасторжимая на абстрактные моменты (В. Дильтей).

Отечественная социология опасается нарушить границы своего предмета. Она понимает себя как наука о социальных группах, общностях и вариациях их взаимодействий. Исследуя человека в такой проекции, наука провоцирует ностальгию по личности. Возможны ли научные исследования актуальных вопросов жизни человека, не нарушающие предметной области социологии? Речь идет об исследованиях законов любви, проблем обретения счастья, поиска идентичности.

Мы убеждены, что наука может избавить общество от «ностальгии по личности», сконструировав метатеорию. Такая теория могла бы объединить классическую предметную область в русле количественной парадигмы и социологизировать социально-философские аспекты существования человека. Но когда говорят о метатеории, то имеют в виду теорию высшего уровня – такую теорию, которая в театральном термине определяется как «пристройка сверху». Такая наука ставит себя над человеком и его нуждами и указывает ему, какие проблемы у него должны быть. Очевидно, речь должна идти о метатеории с «пристройкой снизу» или «пристройкой сбоку», но с такими же метавозможностями. Социология – это не просто наука о человеке (как минимум «пристройка сбоку»), но и наука *для человека* («пристройка снизу»). Нужна теория, которая бы не только «понимала и объясняла», но и умела слушать человека и его вопросы.

Такая теория охватывает предметную область социологии и допускает мембранную структуру ее границ. Границы предметной области – это не железная клетка. Исследования в сферах пограничной тематики есть *ras balancé*, эквilibр на методологических конструктах междисциплинарности. Проблема в том, чтобы найти методические точки соединения альтернативных парадигм при формировании гибридного методологического комплекса (например, варианты гибридизации микро- и макросоциологических подходов). Однако это не механическое сочленение методических конструктов. Для объединения методологического арсенала необходимо смысловое интегрирующее ядро.

Нам представляется, что такое ядро может объединять позиции пристроек сверху и снизу – культурицизм и человекоцентризм на принципах гуманизма, историчности, событийности, самоорганизации. Такая двуцентричность соответствует тому, что не только человек подвергается изучению, но и сам человек изучает мир, себя в этом мире. С одной стороны, эта методологическая конструкция обеспечивает сцепку интерпретативной парадигмы с количественной (событийный, социокультурный, гуманистически-смысловой подходы), с другой – возможность соединения социологических теорий с исследовательскими и практическими достижениями социальных психологов феноменологического направления, физиологов (рефлексивный поход).

Обновления потребуют основные исследовательские стратегии – понимание, слушание. Собственно, обновление такого рода есть лишь новый уровень понимания, особый подход к сбору эмпирических данных. Необходима погруженность исследователя в проблемы сообщества. «Связь исследователя с изучаемым сообществом должна быть длительной настолько, что можно говорить о проживании в нем... Вживание исследователя в сообщество составляет часть исследовательской стратегии... В то же время необходимо сохранять баланс между близостью к изучаемому объекту и мерой отстраненности, которая должна обеспечить возможность критической оценки происходящего» [19]. Это обновленное понимание исследовательских принципов, сформулированных этико-субъективной школой русской социологии (П.А. Лавров, Н.К. Михайловский), философски обоснованных В. Дильтеем и апробированных в практиках психодрамы Дж. Морено. Применение субъективного метода помогает достигнуть «правды-справедливости», если исследователь сольется с объектом, «переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перестрадает его страдания, переплачет его слезами» (Н.К. Михайловский). Это парадигмальная модель понимания мира людей, соединяющая исторический, социально-философский, этический конструкты с теорией личности, где центральным элементом методо-

логической конструкции является личность человека действующего и рефлексирующего. «Разгадать любое содержание... внутреннего чувства, в поле самопереживания жизни во мне, можно только... поняв переживание (связь переживаний), придающие смысл данному переживанию» [9, с. 53].

В классическом варианте метод понимания состоит из схватывания и объяснения. Суть новизны – в том, что исследования в русле интерпретативной парадигмы не просто субъективны, но конгруэнтно-субъективны. Один из законов жизни – «подобное притягивает подобное». Исследователю невозможно находиться в безотносительной позиции по отношению к респонденту. Даже при визите с «жесткой анкетой», с тщательно обоснованной выборкой респондентами будут те, кто по каким-то структурам (личности, судьбы, «жизненного мира») соответствуют социологу. Другой респондент к нему не придет.

Поэтому смысл требований понимания тоже изменяется. Понять проблему респондента (процедура «схватывания» (М. Вебер), «вчувствования» (Т. Липс) – значит найти что-то соответствующее этой проблеме в своей жизни, в своем поведении, здоровье, опыте и т. п. Понимание – это превращение переживания Другого в столь же достоверное для меня, как и мое собственное. Ибо только тогда я постигну его смысл, совпадающий с этой достоверностью [9, с. 55]. Такое понимание противопоставляется научному объяснению. Оно основано на принципе переживания (В. Дильтей), который является первичным по отношению к принципу сознания, так как он охватывает и то, что не является действительным, – «неразличимые глубины реальности» [10, с. 130] в актуальном настоящем времени («здесь и сейчас»).

Процедура объяснения состоит из самопомощи, коррекции проблем социолога в собственной жизни, изменения опыта, поведенческой логики и предложения респонденту результата своей деятельности по облегчению переживания ситуации. Объяснить – значит оказать помощь себе и респонденту. Это принципиально иная модель поведения социолога «в поле». Социолог – это консультант, который помогает осмыслить респонденту его жизненные трудности и удачи («чужую беду руками разведу»). Другим способом понимания достичь невозможно.

Понимание на основе собственного опыта требует смысловой корректировки как минимум двух фундаментальных категорий исследования человека – «смысла» и «опыта». Так, К. Роджерс соотносил опыт клиента с собственным профессиональным опытом, разрабатывая теорию актуализации. Это было практическим воплощением использования субъективного метода. В.Э. Франк буквально выстрадал свой опыт. В персонологии границы объема категории «опыт» расширены до предельных значений

страдания и смерти: опыт складывается из опыта ученого и опыта человека, которого он изучает.

Но опыт – это не зло, это урок, который надо выучить (понять, зазубрить). Отрицательный опыт можно научиться не повторять. Для получения позитивного опыта можно создавать условия, в которых он воспроизводится. При этом каждый человек выбирает *свой* опыт. Это не обучение на «чужих ошибках» – ошибочного опыта вообще не существует. Выбор смерти – это тоже опыт. Каждый опыт самоценен, и он единственно правилен в «биографической ситуации» человека.

Разнообразие опыта есть норма. Исследовательская стратегия вариативных форм опыта основана на методе типизации для построения теоретических конструкций, диагностики и прогностики. Например, группировка людей по заболеваниям может выступать в качестве гипотезы об определенном образе мыслей, приводящих человека к типичным ситуациям, связанным с физическими и духовными страданиями.

Смысл связан с опытом, прорастает в нем. Как не бывает объективного опыта, так невозможно и существование «правильного смысла». Смысл проходит через фильтры интерпретаций опыта, становится результатом этих интерпретаций. «До тех пор, пока я живу внутри своих действий, направленных на объекты этих действий, действия не имеют никакого смысла. Они становятся осмысленными, когда я схватываю их как четко отраженный опыт прошлого... в ретроспекции. Только тот опыт, который можно вспомнить вне зависимости от его наличия в настоящем и который можно изучить на предмет его строения, является... субъективно осмысленным» [23]. Понимающая методика сохраняет право смысла на существование, исследует причины его возникновения, трактует «ошибки» как самодостаточные социально дифференцированные смыслы, характеризующие объективную реальность. «Понимание, т. е. вчувствование... протекает с равным успехом, составляют ли это содержание категории действительности или фантазии настоящего или прошлого» [11, с. 518].

Вся жизнь человека выткана на смысловой канве, уплотненной фактами. Так выстраивается уникальная «биографическая ситуация». Исследовательская стратегия работает на макро- и микроуровнях анализа, может строиться на поиске противоречий между фактами и смыслами, которые этим фактам приписываются. Смысл оформляется в предмет рефлексивного анализа события. Рефлексия нужна для определения особенностей интерпретации субъектами события и имеет отношение к смыслу, но не к реальности. Притязание на «объективность» видения события говорит о смысловой пустоте ситуации. Даже коллективный, конвенциональный смысл события – это субъективное принятие решения о вере в тот или иной смысл.

Отклоняющиеся смыслы рассматриваются объективистами как неправильные, ошибочные. Смыслы действительно могут быть неадекватными, но факт их существования – единственная объективность, которую можно изучать. Методологическая задача – увидеть особенности рефлексии во всем многообразии смыслов и интерпретаций, присущих пониманию ситуации людьми.

Смыслы могут быть личностными и коллективными (сопереживание, консенсус). Событие теряет свою историческую фактичность, от него остается лишь сконструированный смысл в совокупности с причинами, по которым он (смысл) стал социальным конструктом в сознании наблюдателя. Если факт реальности и его смысл гармонируют в сознании человека или общности, то такое сознание не требует исследовательского вмешательства. Проблема в том, кто есть эксперт, который формирует канву, конструирует некий «нормативный смысл», обрастающий идеологической составляющей?

Сознание респондента может быть идеологически больным, и только социальные катаклизмы заставят его отказаться от калечащих смыслов (заболевания, связанные с болью и смертью, или кризисы – военные, политические, экономические, которые переключают фокус сознания с вопросов идеологии на проблемы национального или личного выживания). Такой респондент будет изо всех сил защищать свои смыслы, отвергая факты, не укладывающиеся в смысловые рамки, создавая мифы, искажая историческую память. Сознание человека или общности можно считать здоровым, если рефлексировается рассогласование фактов и смыслов, доставляющее ментальный дискомфорт, от которого человек хочет избавиться. Наличие противоречий есть источник развития, социального стремления к обновлению. Исследовательская стратегия может заключаться в консалтинге – предложении респондентам альтернативных смыслов с последующим глубинным интервью. Гибкость здорового сознания проявляется в том, что человек способен увидеть не единственный смысл факта, но целый веер таковых, принять право на существование всех возможных смыслов. Такая аналитика укладывается в модель поведения социолога-исследователя: он диагностирует и лечит. Объективность мира человека обретает структуры реальности, в которых существуют миллионы «миров» с текучими границами опыта и подвижными смыслами.

Культуроцентричность становится основным смыслообразующим конструктом методологии, объясняющим культуротворческий и культурозависимый характер «жизненного мира», субъектом которого является человек как носитель ценностей, социокультурного опыта. Социологическая трактовка культуроцентризма отличается прочной связью с социальной реальностью, наличием устойчивого ядра национальной

культуры, укорененностью социокультурных связей и отношений» [20, с. 33, 34]. Вне культуры невозможно понять поведенческие выборы человека. Социокультурный аспект предполагает применение ценностно-событийного анализа, событийная история человека изучается в контексте его жизненного пути. Ценности встраиваются в жизненные события, в их смысловое поле в виде приоритетов, определяют поведенческие ориентиры.

В контексте культуроцентризма анализ социокода культуры [13, с. 22–24] позволяет понять выборы общности, анализ биографической ситуации – прогнозировать поведение человека в типичных ситуациях. Рассматривать человека, события и процессы его жизни в целостности можно с позиции феноменологического анализа, охватывая генетическую составляющую, событийную насыщенность, рефлексивную специфику, культурно-смысловую сущность. Методы генетической социологии (М.М. Ковалевский) позволяют проследить длительность и истоки происхождения феномена, социокультурный анализ дает возможность увидеть глубину понимания респондентами ситуации. Методологическая задача состоит в том, чтобы обосновать тенденции развития ситуации (событийный подход), не упустив мимоходом и частных случаев (феноменологический подход), которые могут быть ключевыми точками к пониманию и объяснению фактов. Микроподход (биографический метод, анализ случая, работа с семейными сценариями) объясняет человеку изнутри всё, что происходит с ним в его жизни, помогает выстраивать будущее в соответствии с его собственным представлением о благополучии. Макроанализ определяет горизонты событийности, наполненные коллективными смыслами (метод типизации, событийный анализ, социокультурный анализ, вариации компаративных методов). Соединяя процессуальность и референтные точки событийности, можно выйти на прогнозы будущих событий.

В теории и практике социологического анализа считается, что массовая динамика и социальные перемены непредсказуемы. Никто не смог предсказать ни одной революции. Например, если результаты социологических опросов показывают, что более 80 % населения лояльны власти, то делается вывод, что население довольно внутренней политикой и поддерживает все проекты и законодательные инициативы власти. Но выйдут ли эти люди на площадь, чтобы защищать власть? И почему властные инициативы обсуждают и критикуют все те, кто составляет 20 %, а защищает лишь окружение инициаторов? Самые продвинутые аналитические инструменты не помогут предсказать социальный взрыв даже накануне. Так, структуры российской власти с ее высокими рейтингами оживились только после факта молодежных протестов весной и летом 2017 г. Анализ в

русле позитивизма может лишь добыть и обосновать факты. Но к возможностям интегративной социологии «количественники» относятся как к творчеству экстрасенсов.

Интегральный анализ, сочетающий междисциплинарность, принципы культуроцентричности и уникальные возможности микроподхода, может обосновать выбор, который сделает нация в «моменты истины», будущие этносоциальные конфликты (страна, время, причина), политические изменения, катаклизмы, связанные с жизнью планеты (пожары, землетрясения, наводнения). Невозможно не заметить связь между катастрофами планетарного масштаба и демонстрацией амбиций политических лидеров, идеологическим давлением государственных институтов, искажением исторической памяти нации. Согласно наблюдениям автора, духовное (идеологическое или политическое) сопряжено с наводнениями, ураганами, ливнями; обострения этноцентризма провоцируют разрушительные землетрясения.

На микроуровне автором изучена связь между попытками исправить несправедливость мира и заболеваниями туберкулеза легких, корреляция обиды на представителей противоположного пола со сложностями вынашивания и рождения потомства вплоть до бездетности (у женщин) или поражения внутренних органов пищеварения (у мужчин). В последующих поколениях эта зависимость проявляется в жестких формах, становится своего рода семейным заболеванием, родовым проклятием. Это показали исследования семейно-родовой памяти, проведенные автором на обширной выборке с применением комплекса методов (биографического, восстановления истории семьи, генетического анализа, анализа социоклада, сравнительного анализа нарративов). Кольцующиеся события в судьбах родственников разных поколений, повторяющиеся из биографии в биографию, означают, что проблема является не индивидуальной, а социальной. Иными словами, существуют причины, которые устойчиво воспроизводятся и влияют на макроуровневые структуры общества.

Развиваясь в данном направлении, социология обретет смысл науки, способной объяснить человеку его мир, политикам – будущее мира, в котором они принимают судьбоносные решения. Логика развития современной методологии дрейфует в сторону интегративного понимания социальных процессов и явлений, когда основным методологическим приемом становится сочетание микро- и макроуровней анализа, преодолевающие уязвимые места объективистской и интерпретативной парадигм, помогающее человеку в поиске жизненных выборов, объясняющее человечеству его грядущие перспективы.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания: перевод. – М.: Меддум, 1995. – 323 с.
2. Бехтерев В.М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. – СПб.: Алетейя, 1999. – Т. 1: Психика и жизнь. – С. 223–252.
3. Выготский А.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
5. Гофман П. Символы классового статуса / пер. с англ. В.Г. Николаева // Логос. – 2003. – № 4 (39). – С. 42–53.
6. Гофман П. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
7. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
8. Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
9. Дильтей В. Сущность философии. – М.: Интрада, 2001. – 160 с.
10. Дильтей В. Категории жизни. Структура исторического мира в науках о духе / пер. с нем. А.П. Огурцова // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 129–143.
11. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Зиммель Г. Избранное: пер. с нем. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 1: Философия культуры. – С. 517–529.
12. Маслоу А. Мотивация и личность: пер с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.
13. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: коллективная монография / отв. ред. А.А. Шпак. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2016. – 151 с.
14. Роджерс К.Р. Становление личности: взгляд на психотерапию: пер с англ. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 416 с.
15. Рубинштейн С.А. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2012. – 224 с.
16. Тобфлер Э. Третья волна: пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
17. Уолш Д. Разновидности позитивизма // Новые направления в социологической теории / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Прогресс, 1978. – С. 80–110.
18. Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. Л. Гурьева – М.: Апрель-Пресс: Эксмо-Пресс, 2000. – 368 с.
19. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни [Электронный ресурс]. – URL: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm> (дата обращения: 12.02.2018).
20. Шпак А.А., Головацкий Е.В. Локализм и культуроцентричность в переходном обществе: социологический анализ // Идеи и идеалы. – 2011. – № 3 (9), т. 2. – С. 33–46.

21. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
22. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
23. Шюц А. О множественности реальностей [Электронный ресурс] / пер. А. Корбута // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 2. – URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857317/3_2_1.pdf (дата обращения: 12.02.2018).
24. Sorokin P. The ways and power of love. – Chicago: Beacon press, 1967. – 323 p.

Статья поступила в редакцию 30.07.2017 г.

Статья прошла рецензирование 12.09.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-142-163

METHODOLOGY OF PERSONALITY AND HUMAN LIFE STUDY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Logunova Larisa,

Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Professor, Department of Sociological Sciences,

Kemerovo State University

6, Red st., Kemerovo, 650043, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8417-913X

vinsky888@mail.ru

Abstract

Sociological methodology has accumulated a rich arsenal of methods for the study of reality. However, the study of human life requires specific methodological constructs and updated research strategies. Despite the fact that there is a demand for a comprehensive study of man, sociology has not formed a research approach adequate to modern human problems. The very problem of studying a person looks far from his actual needs and does not answer his vital questions. The author, analyzing the possibilities of the objectivistic paradigm, comes to the conclusion about its limitations in questions of the study of human life. At the same time, the interpretive paradigm looks half-hearted and can not comprehend the depth of the social being of the individual. The author believes that sociology can answer the actual questions of a person, studying it in the context of cultural centrism and human-centrism. This methodology is based on the principles of interdisciplinary approach and hybridization, combining the methodological potential of micro- and macro-approaches. The main research strategies are: “to listen and understand”, to use a processual approach, without losing sight of the uniqueness as well as the related reference points, which under certain circumstances can significantly influence social processes. The task of modern sociology is to be closer to a human. This means that science should answer his/her questions and protect his/her “life worlds” from the false goals imposed on people by institutions, and integrate the elements of social consulting into research models.

Keywords: sociology of personality, hybrid methodological complex, micro-approach, interpretative paradigm, cultural centrism, human-centrism.

Bibliographic description for citation:

Logunova L.Yu. Methodology of personality and human life study: statement of the problem. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 142–163. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-142-163. (In Russian).

References

1. Berger P. L., Luckmann, T. *The social construction of reality: a treatise on sociology of knowledge*. Garden City, NY., Anchor Books, 1966 (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii z'naniya*. Translation. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.).
2. Bekhterev V.M. Bessmertie chelovecheskoi lichnosti kak nauchnaya problema [Immortality of the human person as a scientific problem]. Bekhterev V.M. *Izbrannyye trudy po psikhologii lichnosti*. V 2 t. T. 1. *Psikhika i zhizn'* [Selected works on the psychology of personality. In 2 vol. Vol. 1. Psychic and life]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999, pp. 223–252.
3. Vygotskii L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 573 p.
4. Husserl E. *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. An introduction to phenomenological philosophy*. Evanston, Illinois, 1970 (Russ. ed.: Gusserl' E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu*. Translation from German. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 400 p.).
5. Goffman E. Simvoly klassovogo statusa [Symbols of class status]. *Logos*, 2003, no. 4 (39), pp. 42–53. (In Russian).
6. Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. New York, Doubleday, 1959 (Russ. ed.: Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Translated from English. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., 2000. 304 p.).
7. Garfinkel H. *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs; NY, 1967. 288 p. (Russ. ed.: Garfinkel' G. *Issledovaniya po etnometodologii*. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 335 p.).
8. Giddens A. *The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies*. Cambridge, UK, Polity Press, 1992. 212 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Transformatsiya intimnosti: seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh*. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 208 p.).
9. Dilthey W. *Das Wesen der Philosophie* [The essence of philosophy], Hamburg, Felix Meiner Verlag, 1984 (Russ. ed.: Dil'tey V. *Sushchnost' filosofii*. Translation from German. Moscow, Intrada Publ., 2001. 160 p.).
10. Dilthey W. Kategorii zhizni. Struktura istoricheskogo mira v naukakh o dukhe [Categories of life. Structure of the historical world in the sciences of the spirit]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1995, no. 10, pp. 129–143. (In Russian).
11. Simmel G. Problema istoricheskogo vremeni [The problem of historical time]. Simmel G. *Izbrannoe*. T. 1. *Filosofiya kul'tury* [Selected. Vol. 1. Philosophy of culture]. Moscow, Yurist'' Publ., 1996, pp. 517–529. (In Russian).
12. Maslow A.H. *Motivation and Personality* 3rd ed. New York, Harper and Row, 1987 (Russ. ed.: Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'*. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 352 p.).
13. Shpak L.L., ed. *Politicheskoe soznanie i povedenie: evolyutsiya i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: evolution and mobilization]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2016. 151 p.

14. Rogers C. On becoming a person: a therapists view of psychotherapy. Boston, 1961. 235 p. (Russ. ed.: Rodzhers K.R. *Stanovlenie lichnosti: vzglyad na psikhoterapiyu*. Translated from English. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 416 p.).
15. Rubinshtein S.L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 224 p.
16. Toffler A. *The third wave*. New York, Morrow, 1980 (Russ. ed.: Toffler E. *Tret'ya volna*. Translation from English] Moscow, AST Publ., 2010. 784 p.).
17. Walsh D. Raznovidnosti pozitivizma [Varieties of positivism]. *Novye napravleniya v sotsiologicheskoi teorii* [New directions in sociological theory]. Ed. by G.V. Osipov. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 80–110. (In Russian).
18. Frankl V. *The will to meaning*. New York, Plume, 1969 (Russ. ed.: Frankl V. *Volya k smyslu*. Translated from English. Moscow, April'-Press Publ., 2000. 368 p.).
19. Shanin T. *Metodologiya dvoynoi refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoi rossiiskoi derevni* [Methodology of double reflexivity in the studies of the modern Russian village]. Available at: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm> (accessed 12.02.2018).
20. Shpak L.L., Golovatskii E.V. Lokalizm i kul'turotsentrichnost' v perekhodnom obshchestve: sotsiologicheskii analiz [Localism and cultural centrality in transitive society: the sociological analyze]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2011, no. 3 (9), vol. 2, pp. 33–46.
21. Schütz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow, Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie” Publ., 2003. 336 p. (In Russian).
22. Schütz A. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Favorites. The World, glowing with meaning]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p. (In Russian).
23. Schütz A. O mnozhestvennosti real'nosti [On multiple realities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*, 2003, vol. 3, no. 2. (In Russian). Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857317/3_2_1.pdf (accessed 12.02.2018).
24. Sorokin P. *The ways and power of love*. Chicago, Beacon press, 1967. 323 p.

The article was received on July 30, 2017.

The article was reviewed on September 12, 2017.